

Часть I. Пушкин...

С.В. Березкина

«Чета и нечета»

(Из комментария к «Подражаниям Корану» А.С. Пушкина)

Клянусь четой и нечетой,
Клянусь мечом и правой битвой,
Клянуся утренней звездой,
Клянусь вечернею молитвой... (II; 1, 352)–

так начинаются «Подражания Корану» (1824) Пушкина. Непосредственный источник, над которым, создавая произведение, работал поэт, установила К.С. Кашталева¹: как оказалось, это был Коран в переводе М.И. Веревкина (1732–1795), вышедший в 1790 г.² Кашталева была видным ученым в области коранистики, и то, что она обратила внимание на произведение Пушкина, было для пушкиноведения большой удачей. Одна из трудностей работы с изданием Корана в переводе Веревкина состоит в том, что он не оснащен нумерацией сур (глав) и аятов (стихов). Кроме того, перевод Веревкина порой настолько далек от научного перевода Корана, что разобраться в соотношении этих двух текстов бывает очень сложно (а это необходимо, поскольку научный комментарий «Подражаний Корану» требует, помимо ссылок на книгу Веревкина, указания и на местонахождение параллельных мест в современном переводе Корана). Квалификация кораниста позволила Кашталевой перебрать книгу Веревкина «по зрнышку», указав на множество параллелей с текстом Пушкина, являющихся доказательством того, что эта книга была на столе автора в момент создания «Подражаний Корану». Одно из самых ярких тому доказательств – названия сур, которые Пушкин привел в примечаниях к произведению: именно они фигурируют в книге Веревкина, хотя, как известно, названия сур – весьма «текучий» элемент Корана, и они менялись от одного его издания (или перевода) к другому. Сопоставительный материал из статьи Кашталевой использован практически во всех пушкиноведческих работах о «Подражаниях Корану».

В печатном варианте произведение Пушкина было посвящено Н.А. Осиповой. По-видимому, какая-то часть «Подражаний Корану» писалась в ее имении Тригорское, где поэт проводил дни после ссоры с отцом, разыгравшейся в конце октября 1824 г. из-за согласия Сергея

Львовича следить за поведением сосланного в Михайловское сына; после отъезда С.Л. Пушкина поэт продолжал большую часть времени проводить в Тригорском. Хотя в дошедших до нас остатках тригорской библиотеки, как и в библиотеке самого Пушкина, Коран в переводе Веревкина не сохранился, можно предположить, что поэт нашел его именно в Тригорском⁴. В составе тригорской библиотеки имеется другое переводное издание Веревкина, причем того же 1790 г., «Житие Кун-Тсеца, или Конфуциуса»⁵, что может свидетельствовать об интересе А.М. Вындомского, отца П.А. Осиповой и первого собирателя библиотеки, к творческой деятельности Веревкина, весьма многообразной и плодотворной. В библиотеке Пушкина его изданий нет.

Кашталева дала точное указание на место, откуда Пушкин заимствовал первый стих своего произведения («Клянусь четой и нечетой») – это начало 89-й суры (89: 1–4), в переводе Веревкина названной «Заря»: «Клянуся зарею; десятою ночью месяца; четую и нечетую; ночи наступлением: что нечестивии покараются»⁶. Комментируя употребленное Пушкиным (вслед за Веревкиным) выражение «чета и нечета», Кашталева, со ссылкой на «Словарь Академии Российской», замечает: оно «<...> тем более необычно, что во времена Пушкина говорили <...> “чет” и “нечет”»⁷. Комментарий исследовательницы очень краток и нуждается в существенном дополнении, тем более необходимым, что сам по себе 2-й аят 89-й суры (далее – аят 89: 2) очень сложен и для перевода и для понимания. Чтобы уяснить значение, вложенное Пушкиным в выражение «чета и нечета», проследим, как переводился аят 89: 2 в различных изданиях Корана.

Источник, по которому Коран переводил Веревкин, был указан на титульном листе его книги (см. примеч. 2) – это французское издание Корана Андре дю Рие (du Rieu, 1580?–1669?), впервые выпущенное в 1647 г. Издание дю Рие послужило источником перевода Корана на русский язык дважды⁸. В первом русском издании Корана 1716 г. (перевод приписывается Д.К. Кантемиру или П.В. Посникову) начало 89-й суры звучало так: «Клянуся денницею и десятою ночью месяца, равенством и неравенством, и захождением солнца, что нечестивии будут мучимы»⁹.

Следующий перевод издания дю Рие принадлежал М.И. Веревкину, идиному русскому переводчику, драматургу, литератору¹⁰. Интерес к Корану был для Веревкина вполне закономерен. Будучи директором Казанской гимназии, он ввел в ней преподавание восточных языков. Своего рода подготовкой к переводу Корана, как считает Е.А. Резван, была работа Веревкина над сочинением, посвященным сравнительному анализу русской библейской терминологии с терминологией латинской,

немецкой и французской, а также переводы трудов по истории Оттоманской империи¹¹. В изданном им Коране Веревкин частично повторил структуру издания дю Риэ: дал столь же краткое жизнеописание Магомета (2–3 страницы), а затем «Оглавление догматов веры магометанской по толку так у турков называемой Сунны» (у дю Риэ: «Sommaire de la Relligion des Turcs»). Пространное «Вступление», характеризовавшее Коран, принадлежало самому Веревкину. Из источников, которыми он пользовался при его написании, упомянута статья о Магомете Г. Придо (Prideaux, 1648–1724), фигурируют во «Вступлении» и имена суннитских толкователей. Начало 89-й суры («Le Chapitre de l'Augore») в переводе дю Риэ читается следующим образом: «Je jure par l'Augore, par la dixième nuit du mois, par le pair et l'impair <...>»¹². Начало фразы переводится, как и у Веревкина, однозначно: «Клянусь зарей, десятой ночью месяца <...>»; что же касается выражения «par le pair et l'impair» (аят 89: 2), то Веревкин довольно удачно перевел его словами «четою и нечетою», хотя выражение это могло иметь и иной перевод: «четом и нечетом», «парой и непарой». К словам «par le pair et l'impair» у дю Риэ было дано краткое примечание, в котором указывалось на издание во Франции суннитского сочинения с их толкованием¹³.

В 1792 г. вышел еще один Коран на русском языке, на этот раз в переводе с английского издания Дж. Сэйла (Sale, 1697–1736), впервые появившегося в 1734 г. Английское издание Корана было для своего времени выдающимся явлением, поскольку, переводя Коран, Сэйл опирался на средневековые арабские толкования и комментарии. Русский перевод издания Сэйла был сделан поэтом и переводчиком А.В. Колмаковым (ум. 1804)¹⁴.

В научной литературе встречаются высказывания о том, что Пушкин для своей творческой работы выбрал не лучший перевод Корана на русский язык¹⁵. Замечание это не вполне справедливо. То, что Колмаков обратился к более авторитетному для того времени переводу Корана, не было гарантией его личного успеха. Это хорошо видно из перевода Колмаковым аята 89: 2 и примечания к нему. В книге Сэйла начало суры (89: 1–2) приведено в следующем виде: «By the day-break and ten nights; by that which is double and that which is single <...>»¹⁶, т.е. «Рассветом дня и десятью ночами, тем, что двойное, и тем, что единственное <...>». Ср. с переводом Колмакова: «Клянусь рассветом и десятью ночью; клянусь всем сугубым и единственным <...>»¹⁷. Впечатление, что Колмакову аят 89: 2 был не вполне понятен, подкрепляется переводом комментария к нему:

Сие слово разнo толкуют. Некоторые разумеют все вещи вообще; другие ж разумеют существа, созданные парами, и создателя, который есть един; иные разумеют первое движимое (*primum mobilis*) и другие круги; иные разумеют *созвездия* и *планеты*; иные ночи, выше упомянутые, взятые вместе или особливо; иные день, в который заколают жертвы (десятый день месяца), иные разумеют день Арафата, который бывает днем прежде, и проч.¹⁸

Примечание в переводе Колмакова звучит со скрытой иронией, и это не случайно. Труд Сэйла имел обличительный характер. «Обманщик» – вот самая частая характеристика Магомета в статье Г. Придо, переведенной с французского П.С. Андреевым¹⁹ и заменившей в издании Колмакова научную по своему характеру статью Сэйла (в 1792 г. работа Андреева была еще раз отпечатана отдельным изданием с того же набора). Всю книгу Колмакова пронизывает резко негативное отношение к Магомету и его учению. Если бы Пушкин познакомился с Кораном по изданию Колмакова, то это, вероятнее всего, не подвигло бы его на создание высокопоэтического произведения: русский перевод с английского звучал временами как пародия на научное исследование, поэтические же достоинства Корана уменялись рассказом об «обманах» Магомета.

Пушкинские «Подражания Корану» – это «плоть от плоти» книги, выпущенной Веревкиным²⁰. В его Вступлении поэтическим красотам Корана была воздана щедрая дань хвалы. В своей статье Веревкин открыто отмежевывается от критических по преимуществу работ о Магомете²¹, и эта позиция, по-видимому, была определяющей при выборе им «старого» французского перевода для работы над русским изданием Корана. Критические суждения о Коране и Магомете в издании Веревкина были незначительными по объему, и это, несомненно, способствовало формированию у Пушкина заинтересованного отношения к Магомету как личности, поэту, автору книги, выдающейся по своим художественным достоинствам (Магомет в восприятии Пушкина – это поэт, сначала гонимый, а затем побеждающий).

Книга Веревкина оставляет очень цельное впечатление: она отражает взгляд на Коран и «магометанскую веру» человека, с несомненной симпатией относящегося к мусульманскому миру²² (у Колмакова этого не было даже в зачатке). Не случайно на шмуцтитуле книги Веревкина красовалась величественная цитата из грамоты Екатерины II 1785 г. о веротерпимости, обеспечивающей и регулирующей права мусульман на территории Российской империи:

Да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего различными языками по закону и исповеданию праотцов наших, благословляя Царствование Наше и моля Творца Вселенной об умножении благоденствия и укреплении силы Империи Всероссийской.

Книга Веревкина была для России того времени явлением весьма оригинальным, поскольку для изданных в XVIII в. русских книг о Магомете и Коране обличительно-негативная тенденция была исключительно характерна.

Продолжим обзор различных переводов аята 89: 2. Вот как он звучал в издании К.Э. Савари (1750–1788), вышедшем во Франции в 1782 г. (в библиотеке Пушкина этот перевод Корана сохранился в издании 1828 г.²³): «Par l'aurore, par dix nuits, par la réunion et la séparation <...>»,²⁴ т.е. «Зарей, десятью ночами, соединением и разделением <...>» В научной литературе труд Савари характеризуется как перевод «в романтическом духе»; на русский язык он никогда не переводился. Коран в переводах Сэйла и Савари – это две важные вехи в восприятии европейцами личности Магомета. Труд Сэйла внимательно читал Вольтер, когда писал трагедию «Фанатизм, или Пророк Магомет», впервые поставленную в 1741 г. Объясняя в 1740 г. замысел своей трагедии в письме к Фридриху II Прусскому, Вольтер назвал Магомета «Тартюфом с оружием в руках»²⁵. Появление перевода Савари знаменует иной взгляд на Магомета: это пророк, учитель, вождь, способный увлечь за собою толпы людей. Наполеон, с большой похвалой отзывавшийся о трагедии, сожалел, что Вольтер «проституировал великий характер Магомета в низких интригах»²⁶. Эта концепция отразилась в ориентальных элегиях А. Шенье и «Западно-восточном диване» Гете²⁷. Концептуально-тематическая близость произведений Гете и Пушкина, связанных с Кораном, отмечалась Р.Ю. Данилевским²⁸.

В России новый перевод Корана появился только в 1864 г. (через семьдесят лет после изданий Веревкина и Колмакова), причем вновь с французского перевода, автором которого был А.Б. Казимирский. В России издание 1864 г. стало последним в ряду тех, которые были сделаны не с языка оригинала. Начало 89-й суры в нем звучит следующим образом: «Клянусь рассветом дня и десятью ночами, тем, что двойное, и тем, что простое <...>»²⁹ В 1878 г. появился первый русский перевод с арабского Г.С. Саблукова, утративший свое значение лишь после публикации в 1968 г. Корана в переводе И.Ю. Крачковского. Вот начало 89-й суры в переводе Саблукова: «Клянусь утренней зарей и десятью ночами, клянусь четой и единицей <...>», причем к аяту 89: 2 было дано подстрочное примечание, являющееся одновременно и вариантом перевода, и его пояснением: «Четом и нечетом»³⁰. Подчеркнем, что основной перевод аята у Саблукова («четой и единицей») является вариацией формулы Веревкина и Пушкина («четой и нечетгой»). В переводе Крач-

ковского начало суры зазвучало иначе: «Клянусь зарею и десятью ночами, и четом и нечетом <...>», причем в комментарии было дано следующее пояснение к аяту 89: 2: «“Четом” всего, созданного парами, и “нечетом” единого Творца»³¹. Таким образом, суннитское толкование, восходящее к IX в., легло в основу перевода Крачковским аята 89: 2³², который до его издания почти столетие читался в русском Коране в близкой к пушкинскому стиху формуле.

Но какое же значение в клятву «четой и нечетой» вкладывал Пушкин? Неужели Пушкин, читая перевод Веревкина, «прозрел» глубины суннитских толкований Корана? Думаю, нет. У пушкинского стиха был глубокий философский подтекст, но связан он был не с миром Корана, а с миром Античности. Увидев клятву «четой и нечетой» на страницах Веревкина, Пушкин мог вспомнить лицейские лекции А.И. Галича³³, на которых рассказывалось о Пифагоре и Аристотеле. Основной источник сведений об учении пифагорейской школы – книга Аристотеля «Метафизика». Сразу же следует сказать, что у Пушкина упоминаний этой книги не встречается (об Аристотеле он упоминает только в связи с размышлениями о драматургии³⁴). Тем не менее представляется вполне вероятным, что – безотносительно к какому-то конкретному источнику – Пушкину в Михайловском могло припомниться из лицейских лекций о философских основаниях противопоставление четного нечетному. Кстати, М.П. Алексеев в своем комментарии к михайловской эпиграмме Пушкина «Движение» (1825) считал необходимым указать на многотомный «Исторический и критический словарь» Пьера Бейля (*Bayle*, 1820–1824) с подробным сообщением о Зеноне Элейском, одном из оппонентов пифагорейцев; словарь Бейля, сохранившийся в библиотеке Пушкина, содержит обстоятельную статью о Пифагоре³⁵.

В «Метафизике» Аристотеля названы, со ссылкой на учение пифагорейцев, десять действующих в мире начал; они двойственны, и в этой своей двойственной противоположности согласованы в мироздании. Под эти десять противоположностей пифагорейцы подводили все сущее в мире. Назовем эти противоположности, чтобы показать контекст, в котором существует категория четности и нечетности: предел и беспределное, нечетное и четное, единое и множество, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьма, хорошее и дурное (добро и зло), квадратное и продолговатое. Согласно учению пифагорейцев противопоставление нечетного и четного определяло всю природу мира (через него толковались и другие

антиномии, например «мужское и женское»). Центр пифагорейского учения – это учение о числах. В основании пифагорейской нумерологии лежала коренная противоположность четного и нечетного.

Пифагорейская антиномия дает ключ к толкованию пушкинского стиха. Если «Клянусь четой и нечетой» писалось с воспоминанием об антиномии «нечетное и четное», то смысл у стиха был иной, нежели в аяте 89: 2, как об этом говорится в суннитских комментариях. Клятва «четой и нечетой» – это по сути своей клятва всем, что есть в мире. В пифагорейских антиномиях, как они названы у Аристотеля, первое место занимают начала положительные, т.е. в паре «нечетное – четное» «чет» есть начало делимости, раздвоения, разлада, «нечет» знаменует противоположные свойства. Общеευропейский философский контекст уместнее при комментировании пушкинского стиха о «чете и нечете», нежели коранический.

Интерес к пифагорейским антиномиям («началам») обострялся в разные эпохи. О пифагорейских антиномиях, и в частности о «четном и нечетном», любили писать деятели Серебряного века. Антиномия «четное и нечетное» очень живо обсуждалась и обсуждается в теориях китайского и японского искусства. В 1978 г. вышла книга Вяч. В. Иванова «Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем». В ней были рассмотрены различные проявления асимметрии и парности, впервые цитировались интересные высказывания С.М. Эйзенштейна из этюда «Чет и нечет», при жизни режиссера не публиковавшегося. Наконец, интерес к диаде «чет – нечет» вспыхивал с новой силой по мере открытий физики, касающихся, в частности, симметрии элементарных частиц. Они заставляли философов вспоминать о глубине интуиции древних – но при этом коранические высказывания в расчет не брались. Пушкинская эпоха, надо признать, не характеризовалась модой на антиномию «чет – нечет». В истории философских систем она всегда поминалась как важная часть учения пифагорейцев, с отсылкой к изложению Аристотеля. В этой же связи, думаю, ее вспомню в «Подражаниях Корану» и Пушкин.

В заключение хотелось бы коснуться чисто лингвистического аспекта пушкинской «клятвы». Кашталева, исходившая из традиции перевода Корана, предлагала считать, что формула «чета и нечета» является производной от формулы «чет и нечет»³⁶. Выражение «чет и нечет», очень поздно, как мы видели, занявшее свое место в русском Коране, имело в XVIII в. «низкий» стилистический диапазон, поскольку было связано с игрой, упомянутой еще в «лексиконе» 1731 г. В «Словаре

языка Пушкина» формула «чета и нечета» получила пояснение как «клятва о сочетаемом и несочетаемом»³⁷. Это толкование можно подкрепить материалами «Словаря Академии Российской», где слово «чета» объясняется через противопоставление: «Он тебе, ему чета, нечета» – с отнесением слова «чета» к «паре, двойце, иногда муж с женой» и пояснением: «В просторечии говорится о равенстве, подобии, о сходстве качеств, состоянии двух вещей, и напротив»³⁸; следует отметить, что «Подражания Корану» Пушкина, как и перевод Веревкина, обнаруживают более широкий, нежели просторечие, спектр употребления слов «чета и нечета».

К первому четверостишию «Подражаний Корану» Пушкин дал такое примечание: «В других местах Корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродетелью и пороком, ангелами и человеком и проч. Странный сей риторический оборот встречается в Коране поминутно». Возможно, самую «странную», но одновременно и удивительно емкую в философском смысле клятву Пушкин вынес в начало своего произведения, «выловив» ее в книге Веревкина, внимательнейшим образом им прочитанной. Выражение Пушкина обладает какой-то таинственной загадочностью и не поддается исчерпывающему объяснению. «Плохая физика, – писал Пушкин, оправдывая один из образов «Подражаний Корану» в своих примечаниях к ним, – но за то какая смелая поэзия!» (II/1, 358).

Примечания

¹ См.: *Капиталева К.С.* «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // *Вопросы Коллегии востоковедов.* М., 1930. Т. 5. С. 243-270.

² *Книга* Аль-Коран аралянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за посланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих: Перенос с арабского на французский язык Андрея дю-Рюэра-да-ла-Гард-Малезера <...> Печатана в Амстердаме и Лейпциге в 1770 году, по-русски же переложена, Московского наместничества, Клинской округи, в сельце Михалево. СПб., 1790. Ч. 1-2.

³ См.: *Томашевский Б.* Пушкин. Кн. 2: Материалы к монографии (1824-1837). М.; Л., 1961. С. 35-38; *Лобикова Н.М.* Пушкин и Восток. М., 1974. С. 63-85; *Соловей Н.Я.* Особенности использования мотивов Корана в «Подражаниях Корану» Пушкина // *Пушкин в странах зарубежного Востока.* М., 1979. С. 125-143; *Фомичев С.А.* «Подражания Корану»: Генезис, архитектоника и композиция цикла // *Временник Пушкинской комиссии.* 1978. Л., 1981. С. 22-45.

⁴ См.: *Сафиуллин Я.Г.* Об источниках «Подражаний Корану» Пушкина // *А.С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков.* Казань, 1998. С. 66.

⁵ См.: Пушкин и его современники. СПб., 1906. Вып. 1. С. 46.

⁶ *Книга* Аль-Коран аралянина Магомета. Ч. 2. С. 362.

Капиталева К.С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник. С. 257.

⁸ Сообщение о еще одном переводе дю Риэ, сделанном П.В. Посниковым (Постниковым), но оставшемся в рукописи, см.: *Резван Е.А.* Коран и его мир. СПб., 2001. С. 391, 395.

⁹ *Алкоран* о Магомете или Закон турецкий. СПб., 1716. С. 343.

¹⁰ См. о нем: *Словарь русских писателей XVIII в.* Л., 1988. Вып. 1. С. 148-150 (статья Ю.В. Стенника).

¹¹ См.: *Резван Е.А.* Коран и его мир. С. 405.

¹² *L'Alcoran de Mahomet. Traduit de l'Arabe par André du Rycer.* Amsterdam, 1734. Т. 2. P. 275.

¹³ Вревкин также воспроизвел это краткое примечание: Книга Аль-Коран аралянина Магомета. Ч. 2. С. 362.

¹⁴ См. о нем: *Словарь русских писателей XVIII в.* Вып. 2. С. 104-105 (статья И.Ю. Фоменко).

¹⁵ См.: *Кашталева К.С.* «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник. С. 247.

¹⁶ *Sale G.* The Koran Commonly Called Alcoran of Mohammed, translated into English <...> to which is prefixed a preliminary discourse. London, 1857. P. 488.

¹⁷ Ал-Коран Магомедов, переведенный с арабского языка на английский, с приобщением к каждой главе на все темные места изъяснительных и исторических примечаний, выбранных из самых достовернейших источников и арабских толкователей Ал Корана Георгием Сейлем, и с присовокуплением обстоятельного и подробного описания жизни лжепророка Магомеда, сочиненного славным доктором Придо / С англ. на российский перевел А. Колмаков. СПб., 1792. Ч. 2. С. 281.

¹⁸ Там же. С. 176 второй пагинации.

¹⁹ См. о нем: *Словарь русских писателей XVIII в.* Вып. 1. С. 30 (статья А.Л. Топоркова).

²⁰ К.С. Кашталева называла перевод Вревкина самым поэтичным из существовавших в пушкинское время русских переводов Корана, см.: *Кашталева К.С.* «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник. С. 244.

²¹ См., напр.: *Книга* Аль-Коран аралянина Магомета... Ч. 1. С. XXVIII.

²² См. об этом: *Сафиуллин Я.Г.* Об источниках «Подражаний Корану» Пушкина. С. 65-66; *Резван Е.А.* Коран и его мир. С. 405.

²³ *Модзалевский Б.Л.* Библиотека Пушкина: Библиогр. описание. СПб., 1910 (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9-10; Отд. отд.). № 825: *Le Koran, traduit de l'arabe, accompagné de notes, et précédé d'un abrégé de la vie de Mahomet.* Par M. Savary. À la Mecque. L'an de l'Hégire 1165, не разрезано.

²⁴ *Ibid.* P. 431.

²⁵ *Вольтер.* Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести. М., 1971. С. 645.

²⁶ Цит. по: *Резван Е.А.* Коран и его мир. С. 368.

²⁷ См.: *Сисал П.А.* «Магомет» Вольтера в переводе Г'ете (к вопросу о классицизме французском и веймарском) // Сравнительное изучение литератур. Л. 1976. С. 383-384.

²⁸ См.: *Материалы* к «Пушкинской энциклопедии» // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18-19: Пушкин и мировая литература. СПб., 2004. С. 103.

²⁹ *Коран* Магомета, переведенный с арабского на французский переводчиком французского посольства в Персии Казимирским / Пер. с фр. К. Николаева. М., 1864. С. 454.

³⁰ *Коран.* Законодательная книга мхамеданского вероучения / Пер. Г.С. Саблукова. Казань, 1878. С. 520.

³¹ *Коран* / Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1963. С. 486, 632.

³² Мы оставляем за пределами статьи те переводы Корана на русский язык, которые появились в 1990-х гг. При их просмотре принципиальных отличий от приведенных в нашей статье материалов по аяту 89: 2 обнаружено не было.

³³ См.: *Галич А.И.* История философских систем. СПб., 1818. Кн. 1. С. 52-54.

³⁴ См.: *Пушкин: Исследования и материалы.* Т. 18-19. С. 35-36 (статья С.Б. Федотовой).

³⁵ См.: *Алексеев М.П.* Пушкин и наука его времени // Алексеев М.П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 76-77.

³⁶ Большой интерес мог бы представлять в связи с нашей темой «Словарь русского языка XVIII века», однако, к сожалению, тома со словами «чет» и «нечет» еще не вышли в свет.

³⁷ *Словарь языка Пушкина:* В 4 т. М., 1961. Т. 4. С. 911.

³⁸ *Словарь Академии Российской.* СПб., 1794. Т. 6. С. 738-739.